

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 882 (09)

Е.А. ГУСЕВА,

*кандидат филологических наук, докторант
кафедры зарубежной литературы*

Днепропетровского национального университета им. Олеса Гончара

ВОЙНА И МИР В «ЗАПИСКАХ РУССКОГО ОФИЦЕРА» Ф. ГЛИНКИ

Рассматриваются «Записки русского офицера» Ф. Глинки, отражающие реалии российской жизни начала XIX в.

Ключевые слова: очерк, журнал, война, патриотизм, сражение.

Очерк – жанр сложный и многогранный – всегда привлекал внимание и читателей, и критики. Свободная и гибкая форма позволила ему занять достойное место в литературе и сыграть заметную роль в развитии литературы и журналистики. Обычно очерк определяется как небольшое художественное произведение, в основе которого лежит воспроизведение реальных фактов, событий, лиц. Он находится на стыке художественной литературы и публицистики, а границы, отделяющие его от других эпических жанров, весьма условны и подвижны.

Очерк включает в себя не только описательные элементы (портрет, пейзаж, вещный «интерьер»), но и повествование о динамических «деталях», о действиях персонажей. В художественном очерке «специфическим предметом изображения обычно является состояние, уклад жизни той или иной среды, нравы в широком смысле этого слова <...> Событийность такого сюжета – это событийность множества случайных встреч, приездов и отъездов и т. д.» [3, с. 516]. Для очерка характерно постоянное присутствие на первом плане автора, разъясняющего, комментирующего, обобщающего события. М. Щеглов в этой связи отмечает, что именно «момент личного раздумья» придаёт очерку публицистичность, «накладывает на него печать размышления писателя о важнейших проблемах времени, которые он угадал в ряде живых фактов и явлений» [5, с. 17]. Личность автора очерка, по мнению Е. Журбиной, «объединяет разрозненные звенья живой действительности, наблюдаемой им» [2, с. 41].

Жанр очерка, существующий на грани литературы и журналистики, начал формироваться в XVIII в., в XIX сложился целый ряд его внутрижанровых разновидностей, в том числе путевой, портретный, нравоописательный и т. д. Этому способствовало заметное оживление общественной и литературной жизни страны в первые годы XIX в. Здесь сыграла свою роль и победа над Наполеоном, и поход в Европу.

Роль Отечественной войны в русской истории далеко не однозначна. С одной стороны, как и всякая другая война, она несла разрушения и смерть многих тысяч людей. Но с другой – способствовала росту национального сознания, подъёму патриотизма, что нашло отражение в тематике выступлений периодики того времени.

В начале века увеличилось число литературных журналов разных направлений, которые на своих страницах охотно помещали публицистические произведения. Скажем, в

«Русском вестнике» (1808–1820) С. Глинки, журнале патриотической и монархической направленности, печатались статьи на военную тему, очерки, стихотворения. Отечественная война здесь рассматривалась как защита православной церкви и российского престола. В журнале, скажем, был напечатан очерковый цикл брата С. Глинки Фёдора «Письма русского офицера» (1808, 1812–1813).

Предваряя II часть «Писем...» Ф. Глинка писал: «Путешествуя в отечестве нашем, нельзя наполнить листов записной книжки описанием картин, мраморных изваяний и прочих произведений художеств; но можно описывать картины с нашей природы, которая богата ими, а всего <...> важнее узнавать и описывать нравы своего народа. Путешествие есть единственное к тому средство» [1, с. 66]. Надо сказать, что вольно или невольно «Письма русского офицера» отчасти напоминают главное радищевское произведение: Ф. Глинку тоже волнует бедственное положение русского крестьянина. Например, в главе «Сетование поселянки» автор пишет: «... она проговорила такую речь, в которой не было <...> и тени тех риторических красот, которыми блещут речи, сказываемые на кафедрах; но за всем тем у нас <...> волосы становились дыбом и сердце несколько раз обливалось кровью» [1, с. 66–67]. А ведь крестьянка просто рассказала о своей жизни, наполненной тяжёлым трудом и лишениями («... отдыху нет ни на минуту, и в воскресный день кряхтим и потеем на работе...» [1, с. 67]). Но не только тяжёлый и часто бессмысленный труд стал уделом жителей «деревни С*». Новый барин привёз садовника-француза, который завёл свои порядки: уничтожил сады и на их месте насадил берёзы и ели. Кроме того, беспощадные поборы сверх обычного оброка довели людей до полного обнищания. «Крестьяне у господина суть то же, что персты на руках: ими и через них приобретает он всё, чем может удовлетворить нуждам и прихотям своим», – поведал путешественникам управляющий. Завершается глава неутешительным выводом: «... все сельские доходы, орошённые потом и слезами земных тружеников <...> возлагаются на алтарь большого света – роскоши!» [1, с. 68].

Автор «Писем...» видит, однако, и позитивные стороны российской жизни. Скажем, проезжая Ржев, он замечает, что его жители склонны к механике. В городе много кузниц, а в них – замечательных мастеров, которых Глинка называет *художниками*. Причём это могут быть кузнецы, архитекторы-самоучки, механики, столяры, ювелиры... А иногда (как, например, Максим Егорович Немилев) соединяют в себе все эти ипостаси. В конце главы Ф. Глинка с удивлением отмечает: «... и в России могут родиться изобретательные умы и процветать дарования» [1, с. 70]. Ржеву и его жителям автор «Писем...» посвятил несколько глав. Это и понятно: в городе было столько выдающихся мастеров, что не сказать о них он не мог. Одним из них был Терентий Иванович Волосков – изобретатель, богослов, химик и мастер на все руки – столяр, слесарь, механик. «Все деревянные, медные и стальные вещи им самим были сделаны. Наконец, <...> Волосков соорудил памятник во славу себе и России: он сделал астрономические часы, каких доселе в отечестве нашем, кажется, не бывало» [1, с. 71]. К сожалению, отмечает Ф. Глинка, имя Терентия Волоскова неизвестно широкой публике. Действительно, в памяти людей остались лишь Черепановы да Кулибин. Современники же Волоскова, сетует автор, «не ободрили его особенным вниманием; да будет потомство справедливее их!» [1, с. 72].

В главе «Трактир в Завидове» Ф. Глинка рассказывает о месте отдыха путников – заведении уютном, светлом и тёплом, где подавали вкусную еду, лучшие напитки, где были удобные диваны для отдыха, где, наконец, можно было найти интересных собеседников и завести новые знакомства. Автор очерков замечает, что ямщики при каждой встрече, «снимающая шапки, приветливо друг другу кланяются: вот учтивость русского народа!» [1, с. 73]. При этом, скажем, к генералу (по их ошибочному мнению, французу) они относились без особого почтения и шумели, несмотря на просьбы говорить потише, чтобы дать ему отдохнуть. В авторском примечании Ф. Глинка заметил: «Прежде ещё нашествия французов души русские уже были ополчены противу них» [1, с. 73]. Зато, узнав, что уставший генерал – испанец, все тут же «заговорили шёпотом о твёрдости духа испанцев, о героической любви их к отечеству...» [1, с. 73].

Несколько глав Ф. Глинка посвятил Москве. С необыкновенным талантом художника он пишет пейзаж, на котором яркими красками изображена древняя русская столица, яв-

ляющая собой сочетание старых готических башен, церквей, поросших мхом, и новых великолепных зданий, прекрасных площадей и бульваров. Развалины старинных боярских теремов соседствуют на «картине» с пышными палатами вельмож; здесь же «полезнейшие здания: воспитательный дом, университет и русские народные училища...» [1, с. 74]. Но Ф. Глинка не был бы автором «Русского вестника», если бы не поддел всё тех же французов: в разных местах рассеяны «модные французские пансионы, нарисованные, правда, самыми блестящими, но такими, однако ж, красками, которые, <...> от малейшего прикосновения стираются (такова и нравственность, в них преподаваемая!)» [1, с. 74]. Одним словом, тогдашняя Москва, представшая перед взором путешественников, сочетала в себе черты исконно русского и уже вполне европейского города. Не нравятся автору очерков и французские лавки: если в русских товар был дороже, но можно было торговаться, то «во французских что запросят, то и давай: попробуй поторговаться... назовут тебя грубым, непросвещённым, вандалом, сушим русским!» [1, с. 75]. С досадой патриота Ф. Глинка вспоминает русских вельмож, платящих огромные деньги иностранцам, чтобы те сделали их детей совершенно нерусскими. Наверное, война с Наполеоном была нужна – хотя бы для того, чтобы то наносное, ненужное, внешнее, привнесённое из Европы, осыпалось, а русский народ сплотился для борьбы с общим врагом.

Четвёртая часть «Писем русского офицера» посвящена войне с Наполеоном. И здесь уже не записки путешественника, с любопытством знакомящегося с новыми местами и людьми, а размышления патриота и защитника Отечества: «Русские не выдадут земли своей! Если не достанет воинов, то всяк из нас будет одной рукою *водить соху, а другою сражаться за Отечество!*...» [1, с. 75]. Однако не только патриотическими речами заполнена тетрадь Ф. Глинки. Он также подробно описывает повседневную жизнь армии и всеобщую готовность к *народной войне*. «Дух пробуждается, – пишет автор, – души готовы» [1, с. 76]. В записи от 8 августа – описание гибели Смоленска («Погубление Лиссабона не могло быть ужаснее» [1, с. 76]). Русские дрались ожесточённо, не отступая ни на шаг, и Наполеон приказал сжечь город, который не смог взять приступом. Ужасные картины горящего Смоленска написаны истинным художником: «Тучи бомб, гранат и <...> ядер полетели на дома, башни, магазинны, церкви <...> и всё, что может гореть, – запылало!.. Опламенённые окрестности, густой разноцветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жён и детей...» [1, с. 76]. Следующие записи – более спокойные; главный персонаж в них – Кутузов, одним своим видом внушавший спокойствие и уверенность в победе. Подробно Ф. Глинка описывает подготовку к главному сражению войны – Бородинскому. Записи от 24–29 августа созвучны знаменитому лермонтовскому стихотворению: «Всё безмолвствует!.. Русские <...> тихо дремлют, облёгши дымящиеся огни. <...> Так всё покойно на нашей стороне.

Напротив того: ярко блещут утроенные огни в *таборах* неприятельских; музыка, пение, трубные гласы и крики <...>» [1, с. 80]. Как тут не вспомнить «Бородино»:

Прилѣг вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус [4, т. 1, с. 409].

Запись от 29 августа содержит подробное описание Бородинского сражения. «Мой друг! – пишет Ф. Глинка, – я видел сие неимоверно жестокое сражение и ничего подобного в жизнь мою не видал, ни о чём подобном не слыхал и едва ли читывал» [1, с. 80]. И далее следует ярчайшее описание боя, достойное кисти великого художника. В то же время батальное полотно пишет не только художник, но и боевой офицер, способный по достоинству оценить и подвиг простого солдата, и мудрость полководца.

В записи от 4-го сентября Ф. Глинка рассказывает об отступлении и пожаре в Москве: «Она, казалось, погружена была вся в огненное море. Огромная чёрно-багровая туча дыма висела над нею. Картина ужасная!..» [1, с. 82]. Действительно, русскому патриоту москов-

ский пожар представлялся катастрофой. Но Ф. Глинка воспринял огонь, пожирающий древнюю столицу, и как очищающее пламя: «...видя в настоящем всеобщее вооружение, воскресший дух народный, твёрдость войск и мудрость вождей, я предчувствую, что будущее <...> должно возвратить нам свободу, за которую теперь, как и прежде всё ополчается» [1, с. 82]. Более поздние записи цикла рассказывают уж об изгнании французов за пределы России. Снова-таки, русский патриот, Ф. Глинка пишет: «Прощайте, высокие подоблачные горы, прелестные виды на долины, картины по скатам! Прощайте, величественные буки, стройные тополи, плодоносные рощи! Прощайте, воды, брызжущие из скал, журчащие в ручьях <...> яркая зелень, чистый воздух и чистые нравы – прощайте! – Переезжаю в Бриг за Одер и вижу унылую пустыню» [1, с. 87]. Как видим, автор записок не разделяет любви «западников» к Европе и презрения ко всему русскому. Для него нет другого Отечества, кроме России, и за неё-то он и воевал с врагом и с болью видел разрушения принесённые войной: «Я видел разорение моей родины и слышал тяжкие вздохи её. Повсюду пепел и разрушение! [1, с. 87]. Но не только это угнетает автора записок: «Прежние страсти и прихоти выползают из пепла и старое своё господство утверждают в новых домах» [1, с. 88]. Таким образом, Ф. Глинка понял, что с окончанием войны в России ничего не изменилось, и народ, одержавший победу, остался таким же бесправным и угнетённым. Не это ли ужасное озарение спустя годы заставило декабристов вывести войска на Сенатскую площадь?

В случае с «Письмами русского офицера» (как и с другими подобными произведениями) можно говорить о пересечении жанра очерка с жанрами мемуаров и дневников, которые построены на документальных свидетельствах очевидцев, записях, воспоминаниях, но при этом обладают новой информацией для читателя, что во многом объясняет его интерес к ним. Очерк, таким образом, становится отражением жанров исторической прозы, поскольку ориентирован на осознание современности, а, скажем, мемуары и дневники рассказывают о прошлом. Заметим, однако, что в любом случае авторы обращаются и к типичным событиям, и уникальным фактам, привлекающим своей неизвестностью. Это и «Письма русского путешественника» Н. Карамзина, и «Фрегат «Паллада»» И. Гончарова, и, конечно же, «Письма русского офицера» Ф. Глинки... Однако само по себе наличие факта как случая из реальной жизни может и не сопровождаться предметной новизной, не лишая при этом актуальности проблему, к которой обращается автор.

Список использованной литературы

1. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера / Глинка Ф.Н. Русские очерки: в 3-х т. – Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1956. – С. 66–88.
2. Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. (Очерк. Фельетон) / Е.И. Журбина. – М.: Мысль, 1969. – 398 с.
3. История всемирной литературы: в 9 т. / Гл. ред. Ю.Б. Виппер – М.: Наука, 1983–1991.
4. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, Институт русской л-ры (Пушкинский дом), 1958–1959.
5. Щеглов М.А. Очерк и его особенности / Щеглов М.А. Литературно-критические статьи. – М.: Сов. писатель, 1965. – С. 9–44.

Розглядаються «Записки російського офіцера» Ф. Глінки, що відображають реалії російського життя початку XIX ст.

Ключові слова: нарис, журнал, війна, патріотизм, бій.

The article considers «A Russian Officer's Notes» by F. Glinka which reflect the realia of Russian life at the beginning of the XIXth century.

Key words: sketch, magazine, war, patriotism, battle.

Надійшло до редакції 8.02.2011.